

ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ БАТЫГИН
(19 февраля 1951 – 1 июня 2003)

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ БАТЫГИНА

Я не помню, когда и при каких обстоятельствах мы познакомились. Я знал Гену Батыгина всегда.

Мы жили и работали в разных городах: он в Москве, я в бывшем Ленинграде. Я старше него на десять лет. Нас никогда не связывали никакие формальные отношения. Мы не участвовали вместе ни в одном из проектов. Я не помню, чтобы мы когда-либо говорили с ним о политике или об окружающих нас людях.

Мы работали в одном профессиональном цехе. Это было и основой наших встреч, и главным мотивом. Каждая встреча – а в некоторые годы я бывал в Москве по несколько раз в месяц – продолжала предыдущую... она начиналась в редакции тогда единственного в Союзе профессионального журнала «Социологические исследования», продолжалась по дороге к нему домой, и потом – до поздней ночи. Нередко я оставался у него до утра. Зная о моих регулярных разъездах между Ленинградом и Москвой, он говорил: «Ну ладно, студию, заходи завтра...»

В те годы нас интересовали методология измерения социальных процессов, развитие эмпирических методов социологии, некоторые аспекты истории и философии социального познания. Наши беседы никогда не были рассмотрением частных, конкретных вопросов. Нас тянуло к поиску каких-то констант, детерминировавших процесс научного познания.

Он не только прекрасно знал философию и социологию, у него было удивительное личное понимание взаимосвязи этих предметов. Он глубоко видел различия в историческом и логическом, но эти различия ему не были интересными. Много интереснее ему было искать те области, где и в силу каких-то причин логическое и историческое представлялись ему едиными. Ибо это – точки роста нового знания.

В беседах он не старался доказывать свою правоту, он стремился понять себя. Его определение социологии: «Социология – это то, что мы публикуем в нашем журнале» не было заявлением чиновника, следовавшего какой-то свыше заданной политике. Он чувствовал свою правоту в понимании движения социологии и своими силами пытался противостоять жестким идеологическим императивам конца 1970-х – первой половины 1980-х годов.

Мой переезд в Америку не разорвал наших отношений. У меня на полке стоят почти все выпуски его «Социологического журнала». В нем публиковались многие авторы, но журнал был «батьгинским».

Он многое сделал. И очень многое еще мог сделать.

Мне будет всегда грустно без Гены.

Борис Докторов

1 июня 2003 г.

ГЕННАДИЙ БАТЫГИН — ЭТО РЫЦАРЬ В НАШЕЙ НАУКЕ

Батыгин, как он сам иронически говорил, был «придурком в науке», причем, многие хотели бы удостоиться такой чести. Работать ради работы в социологии — это и было его подлинным счастьем. Наши комнаты находились в одном блоке на четвертом этаже института. Не было случая, чтобы, проходя в свою комнату, я не интересовался, здесь ли «Сенсей»? Ради шутки мы именовали друг друга этим японским титулом, обождно подчеркивая, что каждый из приветствующих — «уважаемый учитель».

Геннадий наставлял меня «жесткой» лазарсфельдовой социологии, я пытался поколебать его классическую позицию. Ничего из этого не получалось. Он был преданным сторонником науки, как ее образ сформировался в античности и позже. Убеденным сторонником ИСТИНЫ, каковую мы желаем добыть, но пока не знаем должной методологии. И ее он искал мучительно: обращался не только к великому Паулю Лазарсфельду, но и к современной формальной лингвистике и так дальше.

Геннадий в моем представлении чувствовал себя миссионером в социальной науке. Навероятно много почерпнув из книг (просиживал в библиотеках днями), он хотел, я бы сказал, найти некий вечный эликсир, который выпечит наше весьма туманное знание об обществе.

Но при этом обладал нормальным юмором и сарказмом. Например, Геннадий советовал мне изучить мудрости талмудистов — знатоков Ветхого Завета. В одной из притчей я прочел: Еврей, подтянув длинный лапсердак, бежит, наткнувшись на Учителя. Ребе спрашивает: «Куда ты бежишь?». Тот отвечает: «За пиццей». «А почему ты думаешь, что пицца впереди тебя, а не сзади?» Геннадий хотел таким непрямым способом сказать: «Директор, думай хорошенько, прежде, чем решать что-либо».

Его научные труды прекрасно известны, вошли в учебные пособия. А вот его облик Учителя менее известен. А как он работал со своими аспирантами! За свою очень короткую академическую жизнь Батыгин подготовил успешно защитившихся аспирантов больше, чем «ветерань» социологи, или как минимум не меньше.

Мы потеряли подлинного «рыцаря социологии». А рыцари в науке в наступившем веке едва ли встречаются.

В.А. Ядов

Москва, 2 июня 2003 г.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ С ГЕННАДИЕМ БАТЫГИНЫМ

Внезапная кончина Геннадия Семеновича — беда, обрушившаяся на российское социологическое сообщество. Признаемся себе в том, что он относился к тому меньшинству в нашей профессиональной среде, которое вопреки безразличию большинства упрямо продолжало бороться за профессиональное единство и сплоченность отечественных социоло-

гов, за единую социологическую науку, способную выступить в качестве активного, самостоятельного и авторитетного субъекта выстраданных нами социальных изменений.

Его ирония и скепсис были маской, попыткой спрятать от всех острую, режущую сердечную боль по поводу нашей разобщенности и утраты атмосферы профессиональной солидарности и единства, без которых возрождение социологии в постсталинское время оказалось бы невозможным. Именно к профессиональной солидарности призывали его книги, написанные неравнодушным и острым пером подлинного российского ученого. Страстный призыв к солидарности раздавался со страниц его, батыгинского, «Социологического журнала». Во имя возрождения этого утраченного нами свойства он затеял гигантскую работу по воссозданию истории отечественной социологии.

И вот теперь его не стало. Он ушел в иные миры, в холодную вечность, оставив нам нелюбимые следы своего научного таланта – книги, статьи, толстые голубые книжки «Социологического журнала» богатый архив документов из истории нашей несчастливой науки. Собиратель социологических талантов и сил, он заслужил, чтобы его журнал был переименован в «Батыгинский».

Прощай, дорогой Геннадий Семенович, прощай, как я часто называл тебя в своих письмах, Мастер! Учиывая разницу в наших годах, мне и в голову не могло прийти, что я произнесу эти трагические слова. Но все-таки я их произношу, подчиняясь власти Смерти над всеми нами, произношу с болью и склоняю свою голову перед твоей светлой памятью.

*Борис Фирсов
Санкт-Петербург*

НЕ ХОЧУ В ЭТО ВЕРИТЬ

Моя электронная почта оказалась переполненной. Но все письма, датированные 1 и 2 июня 2003, содержали одно сообщение: «Ушел Гена Батыгин». Я не поверил и тут же позвонил ему домой. К ужасу моему – это правда. И все равно не могу поверить. Только 27 мая мы попрощались с ним в Москве: он уезжал в Нижний, в командировку, а я – домой в Питер. Думал прощаемся до осени, а оказалось – навсегда.

Это огромное горе и невосполнимая утрата для меня и для всех, кто знал Геннадия Семеновича Батыгина.

С самого первого дня знакомства передо мной раскрылся умный, энергичный, обаятельный, ироничный, светлый, жизнелюбивый человек. А чем больше я узнавал его, тем больше им восхищался.

Я часто обращаюсь к его умным и тонким книгам и статьям. Очень люблю издаваемый им журнал и постоянно рекомендую его студентам и друзьям.

Гена был и останется для меня современным просветителем. Задуманная и воплощенная им в жизнь книга «Советская социология шестидесятых в воспоминаниях и документах» оказалась очень актуальной и своевременной. А серия публикаций в журнале «Профессиональная биография» – это тоже живая история отечественной социологии. Эта попытка осмыслить то нелегкое время и тернистый путь отечественной социологии через призму личных исканий и судеб также представляется мне очень своевременной и чрезвычайно необходимой. Как для каждого, у кого Гена брал эти биографические интервью, так и для всего социологического сообщества, для всех нас. И, конечно же, для новых поколений, идущих нам на смену.

Геннадий Семенович был постоянно в работе: лекции в Высшей школе, конференции и семинары, издания книг и журнала. Со стороны казалось, что все это он делает шутя. Он

постоянно был окружен большим количеством людей, и для всех у него находилась шутка и доброе слово. С ним было очень легко.

Очень противные эти слова «был, было». Особенно если они относятся к Геннадию Семеновичу Батыгину. Слышу его голос, отчетливо представляю его улыбку и немного грустные глаза. Трудно (и не хочется) поверить, что его уже нет среди нас. Так и хочется побабьи взвзвить, заголосить: «На кого же ты нас покинул, соколик ты наш, кровинушка! Да почему же Господь такой несправедливый, что забирает лучших из нас, что отнимает свет у нас! Да чем же мы так провинились перед ним!»

А ведь наверное провинились.

Олег Божков

Петербург, 2 июня 2003 г.

Р.С. Прощай, дорогой друг, до последних дней моих ты будешь в сердце моем. Скорблю и плачу.

СЛИШКОМ РАНО

Ушел из жизни яркий и беззаветный труженик науки. Он сделал очень и очень много для возвращения нормальной социологии в Россию. Он всегда чувствовал в себе огромный запас сил отстаивать ее право на достойное место в нашем обществе. Он использовал социологию для своих личных целей, а целью было служение ей. Он был рыцарем современной российской социологии.

Его свободное слово воплотилось в многолетней кропотливой работе над «Социологическим журналом», где он был строгим судьей, критиком и заботливым редактором каждой принятой для публикации статьи. Он был автономен и чаще всего непреклонен в своих суждениях и оценках. Допуская снисходительность в делах человеческих, он был принципиален в отношении научного текста. Обладая мощной интеллектуальной интуицией, он готов был неустанно помогать автору выстроить красивую архитектуру обнаруженной им живой социологической мысли.

Последние два-три года мы часто тепло и дружески общались во время редких встреч в Москве. Благодаря его влиянию и личной поддержке нам в Санкт-Петербурге удалось немало сделать на журнальной ниве. Он был и остается для меня образцом подвижнического служения социологии. Его советы, ирония, меткие суждения неоценимы. Многие из наших совместных идей: наметки дать историю советской и российской социологии в лицах, планы провести в наших журналах перекрестные дискуссии по злободневной тематике, организовать в ближайшем будущем фестиваль социологических журналов – теперь будут воплощаться без него. Для меня это утрата сподвижника и соратника.

Слишком, слишком рано он ушел и унес дар своей личности, душевности и учености. Это неожиданная и непоправимая утрата.

В.В. Козловский

Санкт-Петербург, 2 июня 2003 г.